

Е Гучэн был убит — клинок Симэня Чуйсюэ пронзил его горло. Он умер. Смерть настигла его от руки величайшего мечника.

Стоило мечу Симэня Чуйсюэ покинуть ножны, как исход всегда становился один: жизнь или смерть. И раз Симэнь всё ещё дышал, Е Гучэн, Владелец замка Белого облака, неизбежно должен был покоиться в земле.

Лу Сяофэн ни на миг в этом не сомневался. Да и никто, знавший нрав и мастерство Симэня Чуйсюэ, не стал бы в этом сомневаться. Здесь не было места подозрениям и не было нужды в лишних раздумьях.

В комнате воцарилось единодушное молчание.

Тишину прервал Хуа Жулин:

— Племянник Лу, в тот день, на вершине Запретного города... неужели Симэнь Чуйсюэ и вправду не дрогнул? Неужели он не мог пощадить противника?

Лу Сяофэн ответил мгновенно, не тратя времени на размышления:

— Симэнь Чуйсюэ не из тех, кто проявляет слабость. И уж точно не из тех, у кого может дрогнуть рука.

— Он мечник, — кивнул Хуа Маньлоу. — Истинный мечник, до мозга костей.

Хуа Жулин прекрасно понимал, о чём говорят его спутники, а потому не стал расспрашивать дальше. Сменив тему, он обратился к сыну:

— Цитун, почему ты вдруг заговорил о чётках?

Хуа Маньлоу достал украшение, подаренное ему Шэнь Бумянь.

— Дева Шэнь отдала их мне.

Отец взял чётки и принялся внимательно их разглядывать. Он легонько постучал по бусинам — те отозвались чистым, кристальным звоном. Тогда и Лу Сяофэн вытащил свои, полученные от Е Букэ, и протянул их старшему Хуа.

Проделав то же самое и со второй нитью, Хуа Жулин надолго задумался.

— Это чётки Хо Сю, — произнёс он наконец. — Значит, теперь они разрознены.

— Вот и первая загадка, — Лу Сяофэн нахмурился. — Каким образом вещь Хо Сю оказалась у людей из «Терема, подпирающего небеса»? Неужели нефритовые чётки уже попали в руки их таинственного главы?

Он взглянул на друга. Хуа Маньлоу тоже погрузился в раздумья, его лоб прорезала едва заметная морщинка. Седьмой молодой господин вдруг произнёс:

— Отец, а не могли ли эти чётки стать предлогом? Возможно, кто-то специально подставил семью Хуа?

Ведь только когда враг теряет голову от тревоги, открывается возможность для удара. Но какая тайна скрыта в этих камнях, если ради неё плетутся столь изощрённые интриги?

Хуа Жулин кивнул.

— Если тайное послание, скрытое в чётках, попадёт не в те руки, в Поднебесной снова разразится кровавая баня.

Лу Сяофэн был человеком проницательным и вовсе не горел желанием копаться в чужих секретах. Порой, чем больше знаешь, тем меньше принадлежишь самому себе. Однако одна мысль не давала ему покоя:

— Дядя Хуа, как вы думаете, не ищет ли эти чётки тот самый человек, которого напрямую касается это послание?

Хо Сю, даос Гу из Школы меча горы Башань, сам Хуа Жулин... Могло ли то давнее письмо связывать их всех?

Лицо Хуа Жулина внезапно сделалось суровым. В его чертах промелькнула необъяснимая тревога, но голос прозвучал твёрдо:

— Нет. Это исключено.

Он решительно отверг догадку Сяофэна, не оставив места для возражений.

— Отец, — мягко спросил Хуа Маньлоу, — как нам поступить с чётками?

Он понимал: рано или поздно за семейной реликвией придут. Будь то кража, открытый грабёж или хитроумная ловушка — удар неизбежен.

— Цитун, не спрашивай об этом, — вздохнул Хуа Жулин. — Вы с племянником Лу весь день

были в пути и наверняка измотаны. Ступайте, отдохните. Поужинайте и ложитесь спать.

Едва он договорил, как в дверь постучали. Это был Хуа Пин.

— Поставь чай и отведи господ ужинать, — распорядился старик.

Этот тон не терпел возражений. Хуа Пин вывел гостей из кабинета.

Когда с поздним ужином было покончено, слуга проводил Лу Сяофэна в гостевые покои. Небо окончательно потемнело, наступил час покоя.

— Уже поздно, — сказал Хуа Маньлоу. — Брат Лу, тебе стоит выспаться. День выдался, мягко говоря, непростым.

Лу Сяофэн усмехнулся:

— Помнится, в прошлый раз я ночевал в спальне Седьмого молодого господина. А теперь меня спровадили в гостевую. Какое падение нравов! В следующий раз мне, чего доброго, в дровяном сарае постелят?

Он вспомнил историю с Железным Башмаком, когда их обоих, одурманенных сонной травой, уложили в комнате Хуа Маньлоу. Та ночь в одной постели, без лишних церемоний...

При воспоминании о том, как Цитун, проснувшись, в тревоге звал его по имени, Сяофэн невольно заулыбался. На душе стало тепло и необъяснимо радостно. Когда такой человек, вызывающий всеобщее восхищение, так искренне за тебя переживает — тут любой бы преисполнился гордости.

Лу Сяофэн исключением не был.

Хуа Маньлоу, конечно, тоже всё помнил. Он рассмеялся:

— Неужели Лу Сяофэн так жаждет снова оказаться в моей опочивальне?

— О, спальня Седьмого молодого господина — место особенное, — протянул Лу Сяофэн с плутовской искоркой в глазах. — Хотя я и провёл там всего ничего, но комфорт был неописуемый. До сих пор вспоминаю с придыханием.

Видя, как забавляется друг, Хуа Маньлоу не удержался от колкости:

— И как же она в сравнении со спальней девы Ша Мань?

Едва сорвавшись с губ, слова эти заставили его осечься. Язык порой опережает мысли, и даже у такого сдержанного человека, как Хуа Маньлоу, случаются досадные осечки. Особенно рядом с Лу Сяофэном.

Неважно, чье имя он назвал бы — Ша Мань, Оуян Цин, Сюэ Бин или Ньюжоутан, — сама фраза звучала двусмысленно. А уж когда напротив стоит Четыре Брови...

Дурное влияние друга-пройдохи давало о себе знать. Но Хуа Маньлоу был человеком тонкой души и не обладал той непробиваемой кожей, которой славился Сяофэн. Собственная шутка обернулась против него самого.

Щеки Хуа Маньлоу едва заметно порозовели. Он понял, что ляпнул нечто совершенно лишнее, что-то, что в устах любого другого прозвучало бы как игривый намек.

Глаза Лу Сяофэна расширились, в них вспыхнул азарт и неописуемый восторг. Он был на седьмом небе от счастья, хотя и пытался сохранить лицо. С нескрываемым интересом он уставился на смущенного друга и внезапно расхохотался.

— Не зря люди говорят, что Лу Сяофэн — последний негодяй, — пробормотал Хуа Маньлоу. — Любой зрячий сразу видит твою натуру.

— Брат Хуа, ты несправедлив! — Лу Сяофэн тут же соорудил самую обиженную мину, на которую был способен. — Я же и слова не промолвил!

В душе он ликовал, но внешне изображал крайнюю степень незаслуженного страдания.

Хуа Маньлоу понял, что продолжать этот спор бесполезно — его окончательно загнали в угол.

— Раз уж брат Лу так расстроен, — проговорил он своим обычным спокойным тоном, — совету ю выпить чаю и успокоиться. А я, пожалуй, пойду к себе.

С этими словами он поднялся и вышел.

Видя, как легко смутить этого обычно невозмутимого человека, Лу Сяофэн расхохотался еще громче и бесстыдно бросился вдогонку.

— Друг, не сердись! Конечно, твоя спальня куда лучше, чем у Ша Мань...

Он нес эту нелепицу, давась от смеха, совершенно не краснея и чувствуя себя превосходно.

Хуа Пин, наблюдавший за их уходом, лишь покачал головой.

«Надо же, — подумал он, — Седьмой господин, такой мудрый и мягкий человек, а перед этим проходимцем пасует. Совершенно не знает, что с ним делать. Эх».

Для слуги это была лишь дружеская перепалка, в которой Хуа Маньлоу явно потерпел поражение.

Когда оба разошлись по своим комнатам, наступил час полночного дозора.

Лу Сяофэн не мог уснуть. У него было предчувствие, что и Хуа Маньлоу сейчас не до сна.

Нефритовые чётки, Игла, пронзающая сердце, Школа меча горы Башань, Хо Сю, «Терем, подпирающий небеса»... Он пытался связать эти нити воедино. Если Е Букэ владеет техникой «Меча тени луны Великого предела», то не входит ли он в шестёрку наставников Великого предела?

Владелец «Терема» скрытен и неуловим. Зачем ему все три нити чёток? И почему он доверил столь ценные вещи Шэнь Бумянь и Е Букэ? Неужели у Сюй Буэ и Янь Юньхо тоже есть по бусине?

От этих мыслей голова шла кругом. Вариантов было бесконечное множество, но за какой конец потянуть — неясно.

Внезапно перед мысленным взором Лу Сяофэна возникло лицо покрасневшего Хуа Маньлоу. Он снова невольно улыбнулся. Среди этого хаоса и неопределенности дружба дарила ему удивительное тепло.

Затем он вспомнил о Ша Мань. О женщине, которая хотела бродить с ним по свету, оставив мир позади. Он действительно любил её. Но он смог её оставить. Именно тогда Лу Сяофэн понял: он может прожить без женщин, но не может прожить без этого безумного мира боевых искусств.

Ему не хотелось вечно скитаться. Его тянуло в Помесье десяти тысяч слив — смотреть на снег, и в Терем сотни цветов — любоваться цветами вместе с другом.

Интересно, как там Ша Мань? Вспоминает ли она его? Скиталец, который пообещал остепениться, так и не смог подарить ей покой. Ненавидит ли она его теперь?

На сердце легла тень вины. Но он не жалел о своём выборе.

Пока он предавался этим думам, в дверь постучал Хуа Пин.

— Великий герой Лу, вы спите? Простите за беспокойство, но хозяин просит вас зайти.

Срочное дело.

Глубокая ночь. В такой час Хуа Жулин не стал бы звать его ради чаепития или любования луной. Значит, случилось нечто серьёзное.

Лу Сяофэн поднялся.

— Хорошо. Передай дяде Хуа, что я сейчас буду.

<http://bllate.org/book/17403/1657829>